



# Мария Колтакова:

**«Не железная, а стальная бабушка!»**



Фото Ольги СЕВЕРИНОЙ

Это про таких, как она, поэт сказал: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт»... И если где-то там, за океаном, была «железная леди», то у нас в России есть Мария Колтакова – «железная бабушка», героическая медсестра. Правда, сама она поправляет журналистов: «Не железная, а стальная. Железо ржавеет, а я ещё в строю!»

## **Парашют, картинг, дельтаплан, гвозди...**

«Железной» её прозвали не только за военные подвиги, отвагу и бесстрашие. В 90 с лишним лет Мария Денисовна решила, что возраст – не помеха исполнению мечты. И – прыгнула с парашютом (её даже включили в сборную команду России по прыжкам с парашютом в тандеме среди инвалидов!), пролетела на дельтаплане, азростате и в азротрубе, нырнула с аквалангом, проехала по треку на картинге, стала штурманом одного из экипажей на Кубке мэра Белгорода по джип-триалу «Путь к Победе», прокатилась на байке с «Ночными волками»... Ну и поучаствовала в телешоу «Поле чудес» Леонида Якубовича и «Старше всех!» с Максимом Галкиным.

А в столетний день рождения – 14 января 2022 года – 100 секунд простояла на гвоздях. По секунде за каждый прожитый год.

Сейчас в её копилке – 16 экстремальных рекордов России!

## **И сразу – медаль «За отвагу»!**

Родилась она в Кемеровской области. Ей едва исполнилось 19, когда началась война. Поступила в школу медсестёр, и после ускоренного обучения её зачислили добровольцем в 303-ю Сибирскую стрелковую дивизию. В июле 1942 года в боях под Воронежем она спасла 25 солдат.

Это были первые фронтовые дни молодой медсестры. И сразу – медаль «За отвагу», самая почётная воинская награда. В 20 лет!



Мария Колтакова в годы войны

Многие санинструкторы воевали на передовой. Мария Денисовна и её подруги выносили раненых, не страшась взрывов бомб и воя снарядов (а может, и боялись – только понимали, что за них эту работу никто не сделает, и смело ползли в окопы и на поле боя в поисках раненых). Они мёрзли в снегу и под пронизывающими ветрами, задыхались под жарким солнцем и выбирались из непролазной грязи. Махорку, которую выдавали бойцам, меняли на хлеб и сахар.

Санинструктор Мария Шамаева (так звучала её фамилия до замужества) участвовала в Курской битве, в освобождении Харькова, Сум, Львова, Польши и Чехословакии.

Два раза родители отважной медсестры получали на неё «похоронки». В октябре 1942-го она пошла в разведку и попала под миномётный обстрел. Очнулась ночью в какой-то воронке. Поползла к своим. А оказалось, что командир уже «похоронку» отправил её родителям. Второй раз её «убили» на Дуклинском перевале в Чехословакии в 1944 году.

После войны Мария Денисовна работала вольнонаёмной медсестрой в одной из украинских войсковых частей, потом жила в Средней Азии, а в 1972 году приехала в Белгород, который освобождала вместе с советскими войсками. Здесь жила её подруга.

### Из воспоминаний Марии Колтаковой:

«В апреле нас погрузили в товарные вагоны и отправили на войну. Состав двинулся, а мы запели «Прощай, любимый город». Это была не только боль разлуки с родным Кемерово, но и прощание с той, оставшейся за колёсами уходящего поезда, жизнью. Несколько раз наш эшелон бомбили.

Немец заходит с неба, а мы выскакиваем из вагонов и врассыпную. Кто под дерево, кто под вагон, а кто в поле, в траву. В конце концов, приехали в Липецк. Нам объявили, что Сталинград в опасности и, чтобы остановить наступление немцев, надо освободить Воронеж. От Липецка до Воронежа три дня шли пешком. Валились с ног. Отдохнуть бы пару дней, но был приказ штурмовать город с марша. Мы даже не успели полевой госпиталь развернуть. Так раненых и складывали прямо в поле, в воронки. А поле было алым от окровавленных бинтов. Недельку красноармейцы бились за воронежский ботанический сад, сельскохозяйственный институт и областную больницу.

Наши парни загнали немцев на крышу больницы, а я в это время на первом этаже, под лестницей, бинтовала раненых. Но страха не было. Злость была, боль от того, что рядом умирает подруга, а я ничем не могу помочь. Вот это было больно. А страха не было. И смерти я тогда не боялась. Если бы мы боялись смерти, то не победили бы, наверное...»



**В одном из наградных листов написано: «Тов. Шамаева М. Д., участвуя в боях, показала себя мужественной, смелой, выносливой. Не щадя своей жизни, под ураганным огнём противника оказывала медицинскую помощь раненым бойцам и командирам».**

## Из воспоминаний Марии Колтаковой о Курской битве:

«7 июля 1943 года в воздухе свирепствовала германская авиация, нам казалось, что бомбёжкам не будет конца! Вокруг непрерывно взрывались бомбы. Одна упала рядом. Со стен окопа начала сыпаться земля, а от бруствера осталась равнина. До меня стали доноситься первые стоны раненых, а смертоносный груз всё летел с неба. Задымился наш танк. Ещё даже не вступив в схватку с врагом, мы уже начали нести потери в людях и технике. Я перебежками и ползком пробиралась от одного раненого к другому, чтобы оказать первую помощь. Тяжелораненых волокла в глубокую воронку. Вынесла 15 солдат. А самолёты всё бомбили и бомбили. Если улетали, то появлялись танки, много танков!

Со стороны противника начался такой сильный и плотный артиллерийский огонь, что высунуть голову из укрытия означало сразу же её потерять. Вдобавок ко всему ни на минуту не прекращалась бомбёжка. Огненное кольцо вокруг нас угрожающе сжималось.

И в такой момент навстречу огненному шквалу, наступающим «тиграм» и «пантерам» пошли наши «тридцатьчетвёрки». Они с ходу вступили в смертельный бой! Сейчас даже не помню, как закончился тот сумасшедший день. Во время боя батальон понёс большие потери в личном составе, много было раненых, и мне хватало работы. Из траншеи я видела, как пылают наши танки, горят танкисты. Но и немецким танкам досталось не меньше! Наши «тридцатьчетвёрки» не уступали ни на метр.

Связисты работали надёжно, чётко. От нещадной жары горела земля, гимнастёрка, насквозь пропитанная потом, прилипала к спине. Ноги «горели» в сапогах, страшно хотелось пить, духота, гарь, кровь... Слышу голос сержанта Арефьева: «Немцы! Уходим! Сматываемся!». Сержант ведёт из автомата прицельный огонь по прорвавшимся фрицам. Я беру две гранаты, плащ-палатку, автомат ППШ, пригибаюсь к земле, ускоряю шаг. Но мы далеко не ушли.

Ещё одна группа фашистов возникла справа, почти рядом. Мы залегли за невысоким бугорком. Сержант Арефьев шепчет: «Пусть подходят поближе». Наглые фашисты всё же отчаянные: идут во весь рост с засученными рукавами, озираясь по сторонам. Такую психическую атаку я видела в 1942 году в Воронеже. Немцы приближались к нам. Мы начали дружно стрелять из автоматов. Больше враг не преследовал нас...

... Я не думала, что выживу и выйду из этого ада. Представьте только всю тяжесть душевных и физических перегрузок, обрушившихся на 20-летних девчонок! Непрерывные бомбёжки, артиллерийские налёты, свист пуль автоматной очереди, стоны раненых и раскалываемой земли выматывали силы!

Но для санинструктора главное – сделать перевязку, наложить жгут раненому под любым огнём, вытащить раненого с поля боя с его оружием и затем эвакуировать в санитарную роту. Страшно тяжёлая ноша была у нас! Какой груз может быть тяжелее человеческой жизни?! О себе забывали...

## «Спасибо тебе, Маша!..»

После одного из боёв она дала свою кровь, чтобы перелить её тяжелораненому танкисту. Боец выжил. После войны 30 лет искал свою спасительницу. И нашёл! Она ездила к нему в гости в станицу Тимошевская Краснодарского края. На память осталась фотография с надписью: «Спасибо тебе, Маша, за спасённую мою жизнь на Прохоровском поле 12 июля 1943 года».

За несколько дней до окончания войны она получила тяжёлое ранение и контузию. Началась гангрена, врачи хотели ампутировать руку. Узнав об этом, Мария... сбежала из санчасти в родной полк. Полковые врачи сумели вылечить девушке руку.

За время войны санинструктор-связист, старшина медицинской службы Мария Колтакова спасла более 300 солдат и офицеров. Среди её боевых наград – медали «За отвагу», «За боевые заслуги», орден Славы и много других медалей и орденов.

При подготовке использованы материалы газеты «Белгородская правда»

